

S T U D I A P H I L O L O G I C A

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Т. М. Николаева

О ЧЕМ
РАССКАЗЫВАЮТ НАМ
ТЕКСТЫ?

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2012

УДК 811.161.1
ББК 81.031
Н 63

Работа выполнена при поддержке *Фонда фундаментальных лингвистических исследований* (<http://www.ffli.ru>)

Николаева Т. М.

Н 63 О чем рассказывают нам тексты? — М.: Языки славянских культур, 2012. — 328 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0552-9

В книге члена-корреспондента РАН Т. М. Николаевой предлагается новый подход к анализу текста, основанный на «грамматике текста» в рамках Московской семиотической школы. Автор выступает против «традиционного литературоведения», базирующегося на том, что Т. М. Николаева называет «литературоведческим конвоем». В рамках нового подхода в книге демонстрируются неочевидные глубинные смыслы текстов классических русских авторов — Пушкина, Лермонтова и более поздних поэтов — Ахматовой, Гумилева и др. Выработанный Т. М. Николаевой метод поиска «ключа нарратива» позволяет увидеть новое и неожиданное не только у русских авторов, но и проследить ранее нераспознанную французскую струю у русских классиков. Книга состоит из трех разделов: русско-французские связи, новое в русской классике и более пестрый раздел — анализ современных текстов.

Книга рассчитана на филологов — как литературоведов, так и лингвистов.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использована
картина И. Н. Крамского «Неизвестная» (1883 г.)
и фотоаграмма светлАны ивАновой*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0552-9

© Т. М. Николаева, 2012

© Языки славянских культур, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
--------------------------	---

I

О возможном влиянии одного текста О. Бальзака на судьбы русских поэтов	13
Числовые модели порока и добродетели (Семантика «оцифрованного времени» в «Манон Леско»)...	32
Поразительные совпадения двух текстов: загадка или нет?....	37
Князь Звездич и баронесса Штраль — кто они такие?	52
Шевардинский редут: два описания — два совпадения.	75
«Дама в розовом»	84
«Антибуржуазность» романа Пруста?	95

II

Пушкин, Лермонтов и купец Калашников	103
Неопределенность реальной ситуации и лингвистические средства ее оформления в пушкинских текстах	111
Пушкин и Боян	124
Переходы, превращения и возвращения Татьяны и античные реминисценции.	147
Реконструкция единого «сна» у одиннадцати пушкинских героев	155
Функциональная нагрузка антитез и повторов в «Слове о полку Игореве»	176
Три пространства Игорева похода (художественное, летописное, «реальное»)	197

III

Метатекст и его функции в тексте (на материале Мариинского Евангелия)	219
«Из пламя и света рожденное слово»	238
Семантика убеждения: лингвотекстологический анализ речи Марка Антония над горбом Цезаря в драме Шекспира	255
Смерть властелина на охоте («Охота» Н. С. Гумилева и «Сероглазый король» А. А. Ахматовой)	264
«На улице Мынтулясы» Мирчи Элиаде: попытка расшифровки.	276
Ф----въ / Ф----въ	287
А мы швейцару: «Отворите двери!»	305
Замечательное прозрение Р. Якобсона, или Почему Маяковский избегал прилагательных?	313

Предисловие

Эта книга содержит исследования автора, посвященные «разгадыванию» скрытой семантики художественных текстов. Работ такого типа у меня немного (можно добавить еще 20—25). Это — на фоне примерно 470 или более трудов по языкознанию. Правда, есть еще три специальных монографии; «“Слово о полку Игореве”: лингвистика текста и поэтика» (1997); «“Слово о полку Игореве” и пушкинские тексты» (1997); «Что же на самом деле написал Марсель Пруст?» (2012).

Разумеется, лингвистика и анализ текста теперь смыкаются все ближе и ближе. Безусловно, этому способствует эволюция семиотической теории. Особенно теории Московской семиотической школы во главе с В. Н. Топоровым, Вяч. Вс. Ивановым и другими. Но все же нужно сказать, что обращение к тому или иному тексту у меня всегда приходило как внезапное озарение, а начало подобных работ было не столь давним, тогда как за лингвистическими исследованиями почти всегда стоят протяженные метатеоретические и экспериментальные размышления и наблюдения.

В чем же тут дело? Я думаю, что за этой интуитивистской внезапностью скрываются долгие годы подспудных впечатлений и сопоставлений, претворяющихся в «непроизвольные знаки», если пользоваться терминами Ж. Делеза, восходящими к А. Бергсону.

И чаще всего бывает какая-то «зацепка», тайный ключ самого текста, который ведет филолога к внезапным для него самого обобщениям.

Но в последние десятилетия, как мне кажется, в официальном (или традиционном) нашем литературоведении вокруг текстов смыкается некое кольцо-оберег, которое я называю «литературоведческим конвоем». Конвой этот достаточно разнообразен.

Это может быть анализ эпохи, когда жил художник, это могут быть обретенные новинки его биографии, это могут быть поиски прототипов его героев. Это может быть описание окружающего его литературного и вообще культурного фона, даже биография его возлюбленной (возлюбленных), это может быть глубокий анализ его по-

литических взглядов. Наконец, секреты текста могут запрятываться исследователем (впрочем, часто и без попыток их разгадать) в описание общего литературного процесса данной страны или общемировой эволюции жанров. А между тем тексты прекрасных авторов (а именно в них и запрятаны смысловые тайны) просто вопиют, обращаясь к нам и демонстрируя разгадки своих загадок всеми способами нашего языка и коммуникативных ресурсов.

О данной книге можно сказать так: в ней представлены анализы текстов, только текстов и ничего, кроме текстов.

Таким образом, исходными были гипотезы о текстах. После чего эта тема развертывалась и делались попытки ее верификации.

Специальный отбор был сделан для того, чтобы показать разнообразие данных нам подсказок. Иногда они опираются на наш культурный фон и возможность типологических сопоставлений, а иногда — просто растут из какого-то мелкого лингвистического сора.

Первый раздел — это французский компонент русской литературы. Весь этот раздел посвящается памяти моего мужа Андрея Дмитриевича Михайлова, который мне помогал советами, хотя и считал меня слишком смелой. Работа над двумя последними текстами: «Шевардинский редут» и «Дама в розовом» началась после его смерти и кажется продиктованной им.

Вообще представляется странным не-обращение литературоведов — исследователей зарубежной литературы к русским текстам. *Rossica non leguntur*? В этом первом разделе много Лермонтова. Так, повесть Бальзака привела меня к аристократическому обществу *le seize*, подражающему *les treize* Бальзака, и к гипотезе, что слова «жадною толпой стоящие у трона» напоминают нам, что у трона стояла и царица, не всегда ведущая себя в рамках правил жены Цезаря и явно равнодушная к Дантесу. (Кстати, Э. Г. Герштейн считает, что она равнодушна была и к Лермонтову.)

Совершенно очевидно, что Пушкин и как поэт и как личность не отпускал Лермонтова. Отсюда и описание дуэли, описание расстановки сил и ситуации в целом в статье о «Купце Калашникове», которую принято считать вспыхнувшей у Лермонтова любовью к фольклорному началу.

Близость Лермонтова и Мериме пока еще ждет своего объяснения.

Также в конце концов к Лермонтову восходит странное исследование о том, что в определенное время — от заката до рассвета в мглистых сумерках или багряном закате или даже в ясную ночь поэты

(но не все!) слышат какие-то отчетливые стихогенные невербальные звуки. Оно родилось из строки Лермонтова «Из пламя и света рожденное слово». Оказалось, что такие звуки слышат многие поэты.

Сны пушкинских героев описывались неоднократно, но, как правило, — по отдельности (сон Татьяны, сон Гриневы и т. д.). Собранные воедино и рассмотренные по общему набору признаков, 11 снов пушкинских героев дали мне возможность увидеть за ними некий общий «страшный» текст, где есть падение с высоты, смерть от холодного оружия, чудовищное «застолье». Мертвецы, но не призраки, а иногда и неожиданные пророчества.

Распределение античных реминисценций по главам «Евгения Онегина» продемонстрировало привязанность «текста Татьяны» к теме Луны — Дианы — Артемиды. Последнее ведет и к корню *Ἄρκτος* ('медведь'), и потому неслучайно медведь во сне (по-русски медведь — это генерал) оказывается ее верным спутником. Тайна Татьяны по многим выявленным ключам текста объясняется в статье через архетипическое понятие Анимы.

Загадки преобразования князя Игоря и аксиология обращения Ярославны к языческим божествам-стихиям раскрываются через анализ антитез-повторов, которые оказываются мощным лингвотекстологическим средством.

В третьем разделе, более пестром по привлечению разных средств к разгадкам текста и более пестром тематически, мы видим разные подходы и разные объемы текста.

Марку Антонию Кассий и Брут запретили упоминать их имена, но разрешили хвалить Цезаря. При помощи таких простых слов, как частицы и соединительные союзы, Шекспир устами Марка Антония постепенно снижает статус Брута и, возвышая Цезаря, говорит, что убить такого человека могли только *brutal beasts*, тем самым вводя имя Брута (на русский язык это перевести оказалось невозможным). Речь Марка Антония подробно разбирается в статье.

Понять границу *своих* и *чужих* помогает простенькая частица *a* в стихотворении Б. Окуджавы «А мы швецару: "Отворите двери", где некоторые моменты все же остаются неразгаданными.

Красивым текстологическим «ключом» явилось нетривиальное словосочетание *Вечер ал*, соединяющее стихотворение Н. Гумилева «Охота» и «Сероглазый король» А. Ахматовой. За этими двумя стихотворениями просматриваются соединяющие их парные группы-цепочки: Ахматова — Гумилев и история их отношений; Гумилев — парнасцы (Леконт де Лилль); Зигфрид и две любимых им женщины;

тема смерти властелина на охоте, столь популярная в эпоху *fin de siècle*.

Невероятно сложным для анализа оказался мистико-детективный рассказ великого Мирчи Элиаде «На улице Мынтулясы», где тайные смыслы текста как бы манят и ведут за собой. Не знаю, удалось ли мне их разгадать.

И, наконец, поводом для выдвижения нетрадиционной гипотезы явилось отраженное в дневниках и записях С. Эйзенштейна стремление найти. Обязательно найти кого-то с конкретными внешними данными на роль Федьки Басманова в фильме «Иван Грозный». (Фь...Фь). Вот тут сыграла свою роль интуиция-озарение.

Надеюсь, что читать мою книгу коллегам и любителям литературы будет интересно.